

І. Канта, Г. В. Ф. Гегеля, не чимось іншим, ніж справедливістю. У межах нормативних посилок справедливість визнається як дещо само по собі зрозуміле, як постулат.

Принципи справедливості — основний (свобода і рівність у свободі) та опосередковані (права людини) — задають критичний оціночний масштаб політико-моральної здатності до мислення як у сфері законодавчої діяльності, так і у сфері винесення судових рішень. У дотриманні цих принципів вбачаються насамперед мірки високорозвинутої культури аргументації. У преторіанській системі права завдання герменевтиків права в тому й мусить полягати, щоб у разі протиріччя між (загальним) принципом і (спеціальним) законом, виміряти значення того й іншого, виходячи при цьому із пріоритету принципу перед законом (Денніс Ллойд. *Идея права.* / Пер. с англ. — М.: ЮГОНА, 2002. — 416 с.).

Справедливість у позитивізмі розуміється занадто вузько і являє собою принцип формальної логіки. Однак, правова справедливість діє не як вираження формально-логічного принципу. Юрист мусить володіти не тільки суто технічним знанням свого предмета, але і повністю усвідомлювати соціальні завдання і мету права і те, як найкраще досягти їх реалізації.

Зведення права виключно до формальної логіки не тільки не реальне і непрактичне, але і ґрунтується на хибному дескриптивному засновку. Право у позитивізмі знає лише позитивну дію і ігнорує інший вимір права — вимір, який називається значимістю, на відміну від дієвості. У цьому й полягає різниця між нормативним підходом та дескриптивним, адже нормативні судження мають елемент справедливості, який у судженнях суто дескриптивних відсутній.

ОВЧИННИКОВА А. П.

Национальный университет «Одесская юридическая академия»,
профессор кафедры теории государства и права,
доктор искусствоведения, профессор

О КОНЦЕПТАХ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Право как сложный культурный феномен существует в различных пластах, уровнях и структурных срезах общественной реальности. Однако можно согласиться с утверждениями, что право существует не в форме объективной реальности, а intersubъективной, так как главнейшая черта любых культурных явлений состоит в их выражении вовне посредством языка как «символической формы» (Э. Кассирер).

Этот ракурс проблемы правовой онтологии в философии права рассматривается в связи с феноменом правовой культуры как некой

идеальной intersубъектной юридической среды существования людей. Как отмечает А. В. Поляков, правовая культура — это суммативный продукт процесса правовой коммуникации и одновременно условие ее бытия (Поляков А. В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход. — 2-е изд. — СПб., 2003. — С. 450). Между тем, в современной юриспруденции рассмотрение вопросов правовой культуры обычно сводится к анализу ее структуры и содержания, реже — к поиску выполняемых ею функций. Представляется, что ключевая проблема культурологического подхода к праву выражается в поиске тех универсалий, предельно общих понятий, система которых обеспечивает правовой культуре целостность и, одновременно с этим, глубокую субъективность. Именно здесь актуальным является рассмотрение правовой культуры сквозь призму ее концептов.

Для выявления содержания, структуры и функций концептов правовой культуры, следует определиться с пониманием самих «концептов». В философской литературе распространено убеждение, что понятие и концепт — это не тождественные элементы сознания. Так, Ж. Делёз и Ф. Гваттари указывают, что понятие недостаточно для отображения структур человеческого мышления, так как они существуют, прежде всего, в сфере логического, рационального. Между тем часто понятие «перерастает» само себя, обретает новые смыслы и интерпретации, часто отличные от первоначальных (Делёз Ж., Гаваттари Ф. Что такое философия? — М., 1998. — С. 112). Эту мысль развивает Ю. С. Степанов, утверждая, что «концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» (Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. — 3-е изд. — М., 2004. — С. 43). Таким образом, концепт — это понятие, расширенное в результате его существования в общественной среде, в непрерывной череде интерпретаций. Понятие без такого расширения — это предмет логики.

Такое восприятие концептов наводит на мысль, что постижение правовой культуры возможно лишь в призме выстраивания их системы, нанизывания новых смыслов. То есть, если понятия определяются, то концепты переживаются, охватывая не только логическое содержание, но и аспекты их научных, психологических, художественных, эмоциональных, различных бытовых ситуативных интерпретаций. В то же время концепты предельно минимальны и просты, поскольку человек не в состоянии усваивать большие моменты информации в короткий период времени. С этой точки зрения концепты культуры — это некие «точки доступа» к платам ассоциаций и интерпретаций, и составляют, по выражению Ю. С. Степанова, «тонкую пленку цивилизации».

Структура концептов правовой культуры предполагает их рассмотрение как многослойных феноменов, когда на каждом новом шаге постижения их смысла вскрываются все новые интерпретации. Поверхностным слоем концепта выступает его буквальное содержание. Например, если обратиться к такому концепту как закон, то его буквальное содержание выражено в понятии (закон — это официальный акт-документ, принятый законодательным органом государства в соответствии с определенной процедурой и регулирующий наиболее важные сферы общественной жизни). Следующим слоем концепта является пассивный, или исторический слой. Этот слой концепта имеет две основные характеристики. Во-первых, он находит свое выражение в коллективном бессознательном, существует в латентной сфере мышления. Во-вторых, здесь важна историческая память о концепте. Так, продолжая рассмотрение концепта «закон», важно обратить внимание на свойственное украинцам пренебрежительное отношение к законодательству как обслуживающему интересы власть предержащих. Это пассивное восприятие концепта уходит корнями в гиперактивную законотворческую деятельность в 90-ые годы прошлого века, что привело к возникновению большого числа нормативных коллизий и низкому качеству законов, в которых всегда присутствовали лазейки для широких интерпретаций.

Наибольший интерес, впрочем, представляет активный, или актуальный слой концепта. В нем находят свое выражение культурные коннотации концепта в той социальной ситуации, которая характеризует его наличное бытие. Для активного слоя концепта наиболее характерными являются уже не апелляции к традиции, а поиск новаций в постижении правовых смыслов. Продолжая рассмотрение концепта «закон» в контексте его активного слоя, можно обратить внимание на то, что современные исследователи конституируют «текучесть» догмы права (Ю. Н. Оборотов), ее подвижность и склонность к ситуативным трансформациям. Потеря догмой права своей устойчивости, во-первых, означает кризис современной правовой нормативности. Этот кризис называют также инфляцией права, которая выражена в несоответствии количества правовых нормативов социальным потребностям человека и общества, когда количество нормативно-правовых актов переходит все разумные пределы. Кризис нормативности ведет к потере легитимности и игнорированию общеобязательности законов. Эти процессы определяют актуальное содержание концепта «закон» в современной правовой культуре.

Можно заключить, что рассмотрение правовой культуры сквозь призму её концептов — это актуальный и методологически перспективный путь постижения права с позиций его феноменологической природы. Именно в контекстах правовой культуры как важнейших элементах intersubъектной реальности права получают свое выражение те смыслы, которые определяют его форму, содержание и действие.